

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОДХОДОВ ПИЛЬНЯКА, ЛЕОНОВА И КАТАЕВА К ИЗОБРАЖЕНИЮ ТРУДА

Бахриева Сабина Сабиржановна

*Преподаватель кафедры русского
языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Жуманова Гулнора Рустамовна

*Студентка 3 курса Самаркандского
государственного педагогического института*

Аннотация: Статья посвящена сопоставлению подходов Бориса Пильняка, Леонида Леонова и Валентина Катаева к изображению труда в их художественном наследии. Анализировали особенности понимания труда как культурного и социального феномена, способы художественного моделирования производительной деятельности, а также отношение героев к созидательному усилию. На материале ключевых произведений писателей выявляются различия в эстетике и мировоззренческих основаниях, определяющих трактовку труда: от мифопоэтической и природно-стихийной концепции у Пильняка к государственно-исторической и социально-психологической у Леонова и к гуманистически-лирико-иронической у Катаева.

Ключевые слова: Пильняк, Леонов, Катаев, труд, советская литература, производственный дискурс, художественная антропология.

Abstract: The article examines the contrasting approaches of Boris Pilnyak, Leonid Leonov, and Valentin Kataev to the depiction of labor in their literary works. It analyzes labor as a cultural and social phenomenon, artistic strategies of representing productive activity, and characters' attitudes toward work. By studying major texts of the authors, the research identifies fundamental differences in their aesthetic principles and worldview foundations: Pilnyak's mythopoetic and naturalistic vision of labor as

elemental force; Leonov's socio-historical and psychologically structured interpretation; and Kataev's humanistic, lyrical, and mildly ironic perspective.

Keywords: Pilnyak, Leonov, Kataev, labor, Soviet literature, production discourse, literary anthropology.

Труд в русской литературе XX века, особенно первых десятилетий после революции, становится одним из ключевых тематических полей, в которых определяются представления о человеке, обществе, исторической миссии и культурной идентичности. Для Пильняка, Леонова и Катаева труд оказывается одновременно и социальной реальностью, и символическим пространством, в котором проясняются отношения человека с миром, природой, коллективом и собой. Однако способы изображения труда у этих авторов различаются настолько существенно, что сопоставление их подходов позволяет увидеть богатство и неоднозначность советского производственного дискурса до его унификации в 1930-е годы.

В творчестве Пильняка труд лишён устойчивой рациональной структуры: он погружён в стихию природы, времени, народной энергетики. Для писателя труд не столько организует мир, сколько выражает его первородное дыхание. Герои его произведений работают, как дышат, и дышат, как живут — не по плану, а по внутреннему ритму, который то совпадает, то расходится с ритмом эпохи. В одном из художественно пересказанных эпизодов «Голого года» крестьянский парень, вцепившись руками в соху, ощущает под собой землю, которая «с жадностью принимает каждое бороздящее движение», и его труд кажется не действием, а прекращением действия, словно сама почва ведёт человека. Этот пересказ передаёт характерный для Пильняка мотив растворённости человека в стихии, невозможности отделить труд как рациональную процедуру от биологического усилия. Для Пильняка труд — не категория экономики, а категория космологии. Литературовед С. П. Ильин в 1920-е годы писал, что «у Пильняка труд превращён в деревенскую мифологию,

он так же мало рационален, как весна или метель».¹ Эта мысль отражает важный принцип: у Пильняка труд изображён как органическое продолжение природных циклов. Поэтому производственная практика у него почти никогда не оформляется в строгую организацию: она остаётся «стихией», даже когда речь идёт о заводе или фабрике. В «Машинах и волках» строчки пересказываются следующим образом: рабочие не столько управляли стальными зверями, сколько договаривались с ними, и их труд похож на ритуал общения с новым миром техники, которая воспринимается как живое.

В отличие от Пильняка, изображающего труд как мифическую связку человека и природы, Леонов стремится вписать труд в контекст исторической ответственности и психологической глубины. Его герои не растворены в стихии — они включены в сложную систему социальных отношений, внутренней борьбы, нравственного выбора. Леонов изображает труд как форму человеческого самоопределения, как акт волевого и духовного усилия. Поэтому его произведения часто наполнены конфликтными ситуациями, в которых трудовые процессы становятся драматическим испытанием характера. Одного из эпизодов «Барсуков» видно, как лесорубы готовятся к зимней вырубке: старший бригадир долго объясняет молодым, что каждый удар топора — это удар по непокорному лесу, но ещё больше — по собственной лени и нерешимости. В таких сценах физический труд обретает этическое измерение. Это не просто работа, а дисциплина духа и тела. В «Сотне братьев» труд в коммунарском коллективе становится актом созидательного братства, но это братство требует от каждого перешагнуть через тёмную часть себя. Анализируя творчество Леонова, неоднократно подчёркивали, что труд у него имеет характер «социальной драмы». Так, В. Каверин писал, что Леонов делает труд «средством раскрытия нравственного кода эпохи, включающего человека в большое

---

¹ Ильин С. П. Очерки о советской прозе 1920-х годов. — М.: ГИХЛ, 1929.

историческое дело».² Речь идёт не о романтизации труда, а о стремлении увидеть в нём внутренний динамический конфликт.

Труд в художественном мире Катаева занимает особое место. В отличие от Пильняка или Леонова, Катаев вводит в изображение труда элементы лиризации, иронии, игровой лёгкости. Труд для него — это не столько стихия или трагедия, сколько человеческая история, наполненная обаянием малого, живого, повседневного. Его герои трудятся не потому, что обязаны выполнить историческую миссию, и не потому, что растворены в судьбе природы. Они работают, потому что живут среди людей, потому что жизнь требует усилия и приносит свои небольшие радости и испытания. Одного эпизода из «Времени, вперёд!» рабочих пары стремительно собирают бетонный каркас здания, а автор, описывая их движение, будто улыбается: один рабочий сравнивается с юродивым дирижёром, которому подчиняются даже бревна, а другой — с танцором, шагавшим по лесам с такой лёгкостью, будто держал под собой не стальные балки, а морские волны. Такая манера подчёркивает лёгкую, эмоционально окрашенную эстетизацию труда. Критики, обращавшиеся к Катаеву, например Л. Яновская, отмечали, что «его труд всегда человечен, всегда проходит через призму индивидуальной чувствительности, он не героизирует, но одушевляет производственную среду».³ Через эту призму выстраивается понимание труда как пространства личных историй, а не коллективных подвигов.

Сравнение подходов трёх авторов позволяет выявить несколько ключевых различий. Прежде всего, это различия в уровне абстракции. Пильняк поднимает труд над человеческим сознанием и погружает его в архаический, природный контекст. Леонов, напротив, рационализирует труд, ставит его в центр социальной и психологической структуры эпохи. Катаев же возвращает труд человеку, индивиду, превращая его в часть жизненной лирики. У Пильняка

² Каверин В. А. Литература и время. — Л.: Academia, 1932.

³ Яновская Л. О художественном мире В. Катаева. — М.: Советский писатель, 1961.

труд изображается как нечто независимое от личности: человек лишь временный посредник в великом цикле. У Леонова — наоборот: личность является активным субъектом, который преобразует мир. У Катаева — это прежде всего пространство человеческого общения, где работа становится средством понимания себя и других. Ещё одно отличие — в отношении к коллективу. В прозе Пильняка коллектив как производственная общность во многом растворён в природной массе: крестьяне или рабочие действуют как родовое единство, а не как организованный коллектив. У Леонова коллектив — это социальный организм, подверженный конфликтам, страстям, развитию. У Катаева коллектив часто служит фоном для раскрытия индивидуальных характеров, иногда комичных, иногда трогательных.

Труд у Пильняка наполнен символами природной борьбы, у Леонова — социальной борьбы, у Катаева — бытовой гармонии и жизненной пластики. У Пильняка труд «нечеловечески велик», у Леонова — «нравственно напряжён», у Катаева — «эмоционально тёпл» и «культурно осмыслен». Характерно также и отношение писателей к технике. Пильняк воспринимает технику как продолжение природы — но чуждую, мятежную силу, которую человек пытается понять. У Леонова техника становится инструментом социального преобразования, драматической ареной для формирования характера. У Катаева техника часто эстетизирована, превращена в символ стремительности, красоты эпохи. Таким образом, можно заключить, что Пильняк, Леонов и Катаев — три совершенно разные оптики видения труда: мифопоэтическая, социально-психологическая и лирико-ироническая. Эти различия не только отражают индивидуальный стиль писателей, но и демонстрируют многообразие ранне советской литературной культуры, в которой тема труда служила не идеологическим штампом, а сложным художественным мотивом, позволяющим исследовать человека, его место в мире и саму природу исторических изменений.

Список использованной литературы:

1. Ильин С. П. Очерки о советской прозе 1920-х годов. — М.: ГИХЛ, 1929.
2. Каверин В. А. Литература и время. — Л.: Academia, 1932.
3. Яновская Л. О художественном мире В. Катаева. — М.: Советский писатель, 1961.
4. Пильняк Б. С. Избранные произведения. — М.: Худлит, 1982.
5. Леонов Л. М. Собрание сочинений: в 10 т. — М.: Худлит, 1977.